

ИЗ ПОСЛЕДНЕГО ИНТЕРВЬЮ

— Борис Григорьевич, когда снимался видеофильм о выдающемся представителе национальной буржуазии Александре Алексеевиче Ханжонкове, вы не допускали и мысли о том, что его кинопредприятие было сродни русской кинематографии. В чем вы полагаете причину?

— Он играл меньшую роль в своем деле, чем его жена, которая управляла всем. Ведущая была жена Ханжонкова, Антонина... — Николаевна.

— Николаевна. Но я ее Антониной называл, да. Ее знали, его даже многие не знали, Ханжонкова. Малодеятельный человек был. Она была главой дела, хотя официально значился он.

Дело в том, что, как правило, большинство начинавших свою работу в кино были люди, связанные с подонками, а Ханжонков был офицер. Несколько человек, из первых людей, которых я знал, были связаны с публичными домами. Но были и коммерсанты, например Либкен, колбасник.

— Когда же вас, сына присяжного поверенного из богатой интеллигентной московской семьи с традициями, занял سینема?

— Отец почти до своего отъезда за границу в середине 20-х годов (он умер в Париже) считал, что мое занятие кинематографией — это вещь неприличная.

Первый раз в жизни он пошел в кино под старость. Театр, это да. А что такое кино? Для кого это кино существует? Для проститутки? Для улицы? Такой был взгляд ТОГО интеллигента.

— А бал Наташи Ростовой, маленькая княгиня, красивые женщины в Петровском парке, загородные кутежи московского офицера и золотой молодежи в «Яре»? Не с этих ли впечатлений началась ваша любовь к кинематографу?

— Нет. Женщин я не считаю, потому что женщины и деньги — это вещь необходимая, их любить надо, хочешь не хочешь, нужны тебе они или не нужны, но ты обязан любить. Что я больше всего любил и сейчас люблю — это дети, которых у меня нет.

Попал я в кино, вернее, на первую киносъемку, благодаря моей тетке Хапсаевой Раисе Мироновне, у которой я тогда жил. Она была актрисой театра Корша. Ее пригласили на роль маленькой княгини. Съемка должна была состояться поздно ночью в «Яре», после того как закрывался ресторан. (Речь идет о фильме «Война и мир», режиссеры В.Гардин и Я.Протазанов, оператор А.Левицкий, 1915 год, «Русская золотая серия». — В.Р.) Мужу тетки, помощнику присяжного поверенного, следовало быть очень рано в суде, поэтому сопроводить ее было предложено мне.

На рассвете мы наняли извозчика к «Яру». Вошли в зал, который был уже очищен от публики. Меня все гладили по головке, потому что я выглядел лет на 15 — 16, хотя мне уже было 20. Актрисы, актрисы рассказывали, что такое кино и т.д. и т.д.

В день съемки за обедом я рассказал Хапсаеву о своих впечатлениях. Он весьма заинтересовался и решил в следующую ночь сам отвезти жену на продолжение съемки бала и посмот-

реть, как это происходит. Вернулся он в страшном восторге и убеждении, что у кинематографа большая перспектива, а значит, надо им заняться.

Из наших знакомых купцов, главным образом армян из Ростова-на-Дону, Краснодара, Армавира, девяти человек, которые дали деньги, мы организовали «Торговый дом Р.М. Хапсаева» (фамилия — моего дяди, а имя — тетки) и компанию «Прометей», с конторами в Ростове-на-Дону, в Баку, Тифлисе. Я был назначен заведовать московской конторой, понятия о кино не имея.

Через несколько дней мою тетку пригласили сняться в ка-

бандита Котовского. Я бежал из Киева от белых к белым в Одессу, потому что в Одессе меня никто не знал, а в Киеве меня все знали: я был управляющий делами кинокомитета Украины при большевиках. Там я встретил своих друзей, и мы поехали в Тирасполь...

Все наши вещи были сложены в моем чемодане, только бриллианты и деньги мы расположили у себя на поясах. А я своих братьев, отца и мачеху оставлял в России. И в ночь перехода границы за деньги по льду, за несколько минут до выхода из дому, чтобы ударить из этого Тирасполя, я решил вернуться к отцу. Мои вещи ушли

еще живым человеком, — понимаете? Но я, как все молодые, студент Московского университета, был увлечен этим. Но где-то я понимал, что это есть фантастическое, невозможное, причем я не отдавал себе отчета ни тогда, ни сейчас, что меня заставило себя переубедить в этом, — понимаете?

Я не уехал потому, что безумно любил Москву. Здесь похоронил мою мать. Здесь я окончил гимназию. Здесь учился в университете. Здесь я похоронил мою первую жену, с которой прожил 30 лет. Здесь я проработал в кино более 70 лет, единственный в живых, я не получил никогда ни

ласы толпа. Мы сошли с извозчика, подошли и увидели, что на балкон второго этажа дома выходит какой-то человек, которого толпа приветствует. Это был Ленин, вернувшийся в Россию из-за границы. Молодой Лемберг быстро выхватил аппарат и снял человека на балконе. Понятия о Ленине ни Лемберг, ни я не имели никакого. Но ввиду того, что был страшный крик, шум, приветствие, мы решили, что это какая-то «фигура», и поэтому Лемберг его снял. Впоследствии это оказалась первая съемка Ленина по приезде в Россию. В течение десяти лет после этого я был приглашаем на разные заседания, на эти собрания меня возил Лемберг и, ссылаясь на меня, доказывал, что первый снял Ленина он. И я доказывал, что первым снимал Лемберг.

В течение года я работал с Вахтанговым. Еще не было театра, была Студия МХТ, которой Вахтангов руководил. Его призывали на войну. Он был владикавказским другом мужа моей тетки, они вместе учились, сидели за одной партией. Дядя, московский присяжный поверенный, и пригласил своего товарища. Я первый раз в жизни увидел Вахтангова в военной форме. Он работал в Москве в каком-то учреждении как военный.

...Однажды, когда я был занят на съемке, туда приехал Евгений Вахтангов. Он тщательно наблюдал за всем, что происходило в ателье, а потом вел длительную беседу с артистом Малого театра Максимовым. Вахтангов был намерен и его пригласить в новое дело.

Он проявлял исключительно большой интерес к новой для него работе. Он знакомился с приобретаемыми сценариями, обсуждал их в беседах с авторами, делился своими мыслями о будущих постановках. Он надеялся создавать для экрана настоящие художественные произведения. Его вера в огромные потенциальные возможности кино увлекала и заражала всех нас...

Должен вам сказать, что в моральном, человеческом отношении, конечно, меня влечет к началу XX века, когда я входил с мамой в трамвай... Я был гимназистом. Были свободные места — мне нельзя было садиться, потому что могла войти дама. Вот так я был воспитан. Или в театре... Взять в долг считалось неприличным. Можно было взять в долг для больного или на дело, деловые, вы понимаете, а просто взять в долг... я не представлял, как я могу взять в долг... чтобы поехать на извозчике, это считалось неприличным. Сейчас, конечно, во мне ничего не осталось за эти 100 лет. Советская власть помогла от этого «идиотизма» отказаться.

P.S. Борис Григорьевич посмотрел виновато на прекрасный портрет очаровательной женщины и вернулся в прошлое...

Беседу вела Валентина РОГОВА

Антонина Николаевна Ханжонкова (слева) замуровывает ЗЛОТЮЙ при закладке на площади у Триумфальных ворот фундамента первого «электротра» фирмы АО «Ханжонков и К^о». Август 1913 г.

21 ноября 1913 г., т.е. 85 ЛЕТ ТОМУ, состоялась открытие.

Этот рекорд скоростного строительства кинотеатра еще не перекрыт.

Борис ВОЛЬФ

Лит. Россия. 1998. — 23 окт. — с. 13.

ПО ВОЛНАМ КИНОПАМЯТИ

Борис Григорьевич Вольф — ровесник Синематографа, один из тех, кто начинал в России кинодело. Фактический создатель советского кинопроката. Последний его проект — Дом ветеранов кино в Матвеевском, поддержанный вначале народной артисткой России Ринной (Екатериной Васильевной) Зеленой и ее мужем К. Т. Топуридзе, архитектором. До конца своих дней Б.Г. Вольф сохранял блестящую память. Он скончался в конце 1993 года в возрасте 96 лет. Случайно уцелевшие телевизионные мемуары Б.Г. Вольфа, фрагменты коих мы публикуем, особенно дороги, так как его богатый архив, к сожалению, утрачен.



кой-то картине, наименования ее я не помню, у Дранкова.

— **Абрама Осиповича, малограмотного Поставщика Двора Его Императорского Величества, думского фотокорреспондента, «первого русского кинофабриканта» и «высшего авторитета в вопросах синематографического искусства», коему благоволила Вдовствующая Императрица Мария Федоровна?**

— Он в Америке, русский еврей, приехавший, не то что родившийся в Америке, научился американскому способу мышления, способу действия, изобрел моментальную фотографию и всю Америку усеял этими фотографиями. Стал богачом. Это же исключение, это же не каждый человек мог. Я 70 с лишним лет в кино, знаете, что я получил?

— **Как вы думаете, что могло произойти с Дранковым, если бы он не эмигрировал?**

— Погиб бы где-нибудь в концлагере.

— **Вы уверены, не пошел бы в ВЧК, в РКПб?**

— Никогда. Он недисциплинированный был человек, понимаете? Никакой дисциплины он не признавал для себя, он не мог подчиняться в партии, нет, он к этому не был пригоден совершенно, никак, никак. У него было одно положительное качество — он был очень умный человек.

— **А почему вы не эмигрировали?**

— Почему? Это я первый уехал. И граница уже была куплена. А знаете, у кого я служил? Я служил в войсках знаменитого

за границу, мои друзья перешли, а я уехал в Одессу.

Привез сюда, домой, из Одессы Утесова и Игоря Нежного, в квартиру моего отца. Это была грандиозная квартира, полная богатства, целый этаж второго дома от угла Староконоушенного (дом сохранился. — В.Р.), из семи комнат, с роскошной мебелью. Я на двухколесном велосипеде ездил по всей квартире, там было 19 дверей.

— **А что вас привлекало в Дранкове? Почему вы с ним дружили?**

— Я с ним дружил по двум причинам. Это был один из первых кинематографистов, с которым я познакомился и который принял во мне участие. Он охотно очень поступил в московскую киноконтору, которой я заведовал, в качестве коммерческого консультанта, получая 500 рублей в течение года, пока мы не обнаружили, что он нам абсолютно не нужен; тогда это были значительные деньги. А Вахтангов (Евгений Багратионович, тогда руководитель Третьей Студии МХТ. — В.Р.) был по художественной части. Оба они получали по 500 рублей.

Самый памятный момент — я пошел вступить в партию большевиков. К сожалению, наша интеллигенция оказалась очень мягкотелой и не очень дальновидной. Я вошел в здание, встретил некоторых моих товарищей, и какая-то сила удержала меня от этого. Даже по сей день не могу понять, почему я не вступил в партию большевиков, так мне нравилась идея этого равенства, которой не суждено никогда осу-

одной награды, никогда, хотя я организовал этот дом (Дом ветеранов кино в Матвеевском. — В.Р.), я его придумал, это есть и в газетах, и в преподношениях, адресах... Ничего я не имею, нищий, не думайте, что этот дом легко было создать, если начать с того, что все было против.

— **И архизначимая вежа — вы снимали Ленина, элитное советское кино.**

— Потом 70 раз меня мучили с этим Лениным, потому что оказалась масса людей, которые якобы... Теперь выясняют. Знаете бревно, которое нес Ленин? Появилось несколько сот людей, которые несли это бревно с ним, это смешно.

— **И машинисты паровоза...**

— То же самое было и с этой съемкой. У Дранкова был двоюродный брат (неверно: муж родной сестры Дранкова — Григорий Моисеевич Лемберг /1873—1945/, фотограф, известный советский кинооператор. — В.Р.), оператор, у этого оператора был сын, тоже оператор (Александр Григорьевич Лемберг /1898—1974/, входил в группу «киноков». — В.Р.). И вот с этим сыном я снимал Ленина.

Однажды мы поехали на Каменноостровский проспект, в студию Дранкова. Возвращаясь, обратили внимание, что в начале Каменноостровского, на Троицкой площади, у шикарного особняка Кшесинской (13 марта 1917 года дом знаменитой балерины был разгромлен сверху донизу ворвавшимся народом, и до июля здесь находился штаб РСДРП /большевиков/. — В.Р.) собра-